

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики

Государственное образовательное учреждение
Высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»

На правах рукописи

Чуванова Ольга Игоревна

**ПОЭТИКА КОНФЛИКТА В ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ПРОЗЕ (НА
МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. РУШДИ)**

10.01.08 – теория литературы, текстология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Донецк – 2020

Работа выполнена на кафедре зарубежной литературы в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет», г. Донецк.

Научный руководитель:

Попова-Бондаренко Ирина Анатольевна
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой зарубежной
литературы ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет» (г. Донецк)

Официальные оппоненты:

Коваленко Александр Георгиевич
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русской и зарубежной
литературы ФГАОУ ВО «Российский
университет дружбы народов» (г. Москва)

Кораблёва Наталья Васильевна
кандидат филологических наук, доцент
кафедры мировой литературы и
сравнительного литературоведения ГОУ
ВПО «Горловский институт иностранных
языков» (г. Горловка)

Ведущая организация:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Южный федеральный
университет» (г. Ростов-на-Дону)

Защита состоится «24» декабря 2020 года в 13 часов на заседании диссертационного совета Д 01.020.05 при Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» по адресу: 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, филологический факультет, ауд. 452. Тел.: +3 (8062) 302-92-33, факс: +3 (8062) 302-07-49, e-mail: don-filolog@inbox.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке организации по адресу: 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, <http://science.donnu.ru/dissertatsionnye-sovety/dissertatsionnyj-sovet-d-01-020-05/>

Автореферат разослан «__» _____ 2020 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета Д 01.020.05

Сенчина Л.Т.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования и степень её разработанности. Закрепившись в литературоведении благодаря лекциям Гегеля по эстетике, категория «конфликт» (лат. *conflictus*) уже давно занимает значимое место в системе гуманитарного знания. Обозначая в широком смысле столкновение убеждений, принципов, точек зрения, в литературно-художественном произведении конфликт рассматривается как «соприкосновение противоположных стремлений, выявление противоречия, которое является двигателем действия» (S. Sierotwinski), «внешняя борьба, спор <...> внутреннее столкновение противоположных оценок и сил» (Г. фон Вильперт). «Конфликт» используется некоторыми исследователями наравне с понятиями «кризис» (У. Арчер), «контраст» (К. Хамилтон), «борьба», «противостояние» и даже термином «коллизия» (М.Н. Эпштейн), хотя последнее часто рассматривается как «изменение конфликта в динамике» (А.А. Кораблев).

Учитывая заложенное в конфликт значение изменения, противостояния и противопоставления, нужно отметить глубинную связь данной категории с мифологическим пластом: бинарность конфликта («свидетельство дуалистически понятого мира» – Г. фон Вильперт) обуславливает вечное столкновение и взаимопроникновение космогонических сил; две противоборствующие силы своей борьбой нарушают вселенскую гармонию, а исход битвы восстанавливает её (В.Я. Пропп). В первую очередь, конфликт рассматривают в контексте драматургических произведений ввиду простоты реализации конфликта благодаря диалогичности повествования; реже – в лирике; в то же время эпические формы становятся благодатной почвой для реализации конфликтных ситуаций / характеров различных типов: окказиональных и субстанциональных (В.Е. Хализев), ситуативных (вызванных «мировыми» безличными силами) и личностных (воплощённых в поступках и высказываниях персонажей) (Н.Д. Тamarченко), архетипических и обоснованных бытовой событийностью.

Своеобразие конфликтов и их реализация в литературно-художественных произведениях во многом зависит от факторов, привносимых развитием историко-литературного процесса: определённые исторические эпохи актуализируют специфические конфликтные аспекты и ситуации. Так, конфликт/противостояние природы и разума характерен для эпохи Просвещения, а конфликт личности и общества – для романтизма.

Функция конфликта обосновывается его природой: в основе его «лежит нарушение, которое должно быть устранено» (Г.В.Ф. Гегель). Неизбежность нарушения и его последующего устранения подводит к осмыслению наличия конфликта в произведении как залога целостности последнего. Помимо этого

именно тип конфликта определяет художественный замысел, формирует концептосферу художественного произведения.

Несмотря на наличие многочисленных работ, затрагивающих теорию конфликта (Г.В. Гегель, В.Я. Пропп, М.М. Бахтин, Ю.В. Манн, Б.А. Успенский, М.Н. Эпштейн, В.Е. Хализев, А.Г. Коваленко), не вполне прояснённым остаётся поэтологическое своеобразие конфликта в постколониальной литературе второй трети XX – начала XXI вв., сформировавшейся в постмодернистском контексте.

В западноевропейской литературе первой половины XIX вв. колониальный аспект государственной жизни ещё не подвергается критике, подчинённое положение колонизированных народов/этносов видится незаменимой частью структуры отношений «империя – колония». При этом считалось, что колонии несут на себе печать варварства и незнания, тогда как империя является носителем цивилизации. Именно эта оппозиция становится предметом изучения во второй трети XX вв.: культурологические исследования Ф. Фанона, Х. Бхабхи, Э. Саида связаны в первую очередь с развенчиванием стереотипного видения колонизированного пространства, осмыслением понятия «мигрант» и изучением положения мигранта с Востока в деколонизированном мире. Литературоведческие же работы О.Г. Сидоровой, М.В. Глостановой, С.П. Толкачева, Л.Ф. Хабибуллиной, Е.А. Струковой в основном сфокусированы на историческом контексте становления мультикультурной прозы, затрагивают проблемы самоидентификации и обретения идентичности, маргинализации индивида в постколониальном обществе эпохи глобализации, а также трансформации отношений восточной и западной культур в постколониальном пространстве.

Конфликт, обусловленный противостоянием западного и восточного мировоззрений, обнажающий сложности отношений колониального и постколониального миров, выразительно представлен в творчестве Салмана Рушди, британского писателя индо-пакистанского происхождения, а в настоящий момент – гражданина США. Несмотря на немалое количество работ, в центре внимания которых находится постколониальная (мультикультурная) проза С. Рушди (С.П. Толкачев, Н.З. Шамсутдинова, Е.А. Струкова, Н.А. Антонова, О.А. Королёва, Ф. Альдама, Р. Бойагода, С. Фрэнк, Р. Марец, П. Титус), конфликт в его произведениях, которым присущи черты постмодернистской эстетики, не исследован во всем своём многообразии и сложности, что и определяет **актуальность** данной работы. Возникает необходимость прояснить своеобразие поэтики конфликта в постколониальной прозе С. Рушди, своеобразие его аспектов в системе произведения.

Тема работы актуальна и в связи с интересом литературоведов к мультикультурным и кросскультурным связям современности, неизбежно

затрагивающих и постколониальный пласт. Материалом диссертации послужили романы С. Рушди «Дети полуночи» (*Midnight's Children*, 1981), «Сатанинские стихи» (*The Satanic Verses*, 1988), «Золотой дом» (*The Golden House*, 2017) и сборник рассказов «Восток, Запад» (*East, West*, 1994) и др.

Связь работы с научными программами и темами. Диссертационное исследование выполнено в рамках Инициативной научно-исследовательской темы кафедры зарубежной литературы «Взаимодействие литератур и культур: личность, пространство, время» (номер госрегистрации 0117Д000206, шифр Г-17/32).

Цель диссертационного исследования – теоретико-литературный анализ поэтики конфликта, с учётом его уровней и функций в постколониальной прозе на материале произведений С. Рушди.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- рассмотреть теоретическое содержание и место категории «конфликт» в системе литературно-художественного произведения;
- выявить доминантные уровни конфликта в постколониальной прозе с учётом его «внешней» и «внутренней» природы.

Объектом исследования является категория конфликта как содержательной сферы художественного текста.

Предмет исследования – своеобразие поэтики конфликта в постколониальной прозе на материале произведений С. Рушди.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в систематизации уровней конфликта и анализе поэтики конфликта в постколониальной прозе второй трети XX – начала XXI вв. (на материале произведений С. Рушди).

Выявлены такие типы конфликта, как 1) конфликт на уровне хронотопа (макроуровень), охватывающий пространственный (страна, город, дом) и темпоральный (история и память) аспекты; 2) раскол на уровне телесного и психологического начал (микроуровень), охватывающий «разрыв» на уровне телесности, гендера, психологии персонажа. Проанализирована функция конфликта в постколониальной прозе, выявляющаяся в 1) формировании системы образов (постколониальный мир и мир Запада), 2) определении композиционной организации произведения (присутствие в постколониальной прозе центра и периферии).

Теоретическая значимость работы заключается в расширении представления о поэтике конфликта в постколониальной прозе второй трети XX – начала XXI вв., уточнении особенностей функционирования данной категории в связи с постмодернистской поэтикой произведений С. Рушди. Исследование конфликта на материале постколониальной прозы С. Рушди уточняет и расширяет

поле функционирования данной категории в литературном западном процессе новейшего времени.

Практическая значимость. Полученные результаты диссертационного исследования могут быть использованы для вузовского и школьного изучения теории литературы: в частности, в собственно теоретическом дискурсе в связи с понятием «конфликт»; в историческом – в контексте уяснения специфики мирового литературного процесса второй трети XX – начала XXI вв. Материалы исследования могут применяться для составления методических, учебных пособий, посвящённых теоретико- и историко-литературным особенностям развития литературы XX-XXI вв.; в процессе преподавания спецкурсов по проблеме конфликта в постколониальной литературе второй трети XX – начала XXI вв.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют классические и современные исследования в области:

- теории конфликта (Г.В. Гегель, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, В.Е. Хализев, А.Б. Есин, Б.В. Успенский, Ю.В. Манн, Н.Д. Тамарченко, Б.А. Томашевский, Л.В. Чернец, В.А. Луков, А.Г. Коваленко, Ю.А. Аникина и др.);

- теории и методологии анализа художественного текста (В.Е. Хализев, А.Б. Есин, Б.В. Успенский, Б.А. Томашевский, А.А. Кораблев и др.);

- мифопоэтики и культуры Востока (Е.М. Мелетинский, А.Ф. Лосев, П.А. Гринцер, В.Н. Топоров, С.Ф. Ольденбург, М.М. Маковский, У.С. Сакс, Г. Циммер и др.);

- постколониальной литературы (Э. Саид, Х. Бхабха, Ф. Фанон, С. Фрэнк, Р. Марец, С.П. Толкачев, О.Г. Сидорова, Н.З. Шамсутдинова, Л.Ф. Хабибуллина, В. Калмыкова, И.М. Гасанова и др.), в частности – постколониальной прозы С. Рушди (С.П. Толкачев, Н.А. Антонова, Л.В. Братухина, О.А. Королёва, М. Салганик, Н.З. Шамсутдинова, И.Ю. Облачко, Е.А. Струкова, Ф.Л. Альдама, С. Фрэнк, Р. Бойагода и др.);

- постмодернистской поэтики и философии (Ф. Фукуяма, Ф. Джеймисон, Ж. Женетт, Ж. Делёз, Ж. Деррида, Р. Барт, П. Козловски, Ю. Кристева, Н. Пьеге-Гро, М. Фуко, М. Брэдбери, С. Коннор, Д.В. Затонский, И.П. Ильин, А.А. Грицанов);

- пространства и времени (М.М. Бахтин, В.Н. Топоров, М.К. Мамардашвили, И.В. Кабанова, И.М. Наливайко, О.В. Переходцева, В.А. Подорога, Н.Л. Потанина, М.А. Гололобов и др.);

- телесного и психологического начал (Н.С. Автономова, В.В. Винокуров, В.А. Подорога, Ж. Лапланш, Г. Маркузе, Э. Фромм, С. Фрэнк и др.).

Основными методами исследования стали историко-литературный, герменевтический, метод целостного анализа, элементы интертекстуального

анализа, культурно-исторического, мифопоэтического и биографического методов, а также техника «пристального чтения» («close reading»).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Свойственная категории конфликта структурная бинарность осложняется в постколониальной прозе второй трети XX – начала XXI вв. **плюральными смыслами**, что связано с особенностями литературного процесса эпохи постмодерна и её эстетикой.
2. Ситуация конфликта в постколониальной прозе С. Рушди реализуется посредством **«разрыва» хронотопа**, обостряющего проблему отторжения постколониального героя от автохтонной почвы и включения его в западный мир.
  - 2.1. Реализация конфликта в художественном времени и пространстве происходит на уровнях топоса и истории.
  - 2.2. Онтологический конфликт связан с историческим планом и, как следствие, переосмыслением положения мигранта в постколониальном пространстве и мире Запада. Темпоральное начало выражено в основном посредством столкновения прошлого (памяти об исконной культуре) и настоящего (субъективированного и стереотипизированного видения себя и другого в постколониальном и западном мире).
  - 2.3. Конфликтность заложена также в пространственный план произведений и варьирует в зависимости от масштабов пространства. Она может быть 1) распространена на пространство страны и/или города, 2) локализована в границах дома. Сам дом в постколониальной прозе представлен не только как физический объект (здание, строение, населённый пункт), но и в онтологическом ракурсе (Дом как родина / как история страны). Конфликт обусловлен здесь невозможностью героев органично вписаться в западное пространство.
    - 2.3.1. Конфликт на уровне хронотопа в постколониальной прозе С. Рушди характеризуется рядом приёмов, восходящих к постмодернистской эстетике: 1) лабиринтностью и замкнутостью пространства; 2) мультиплицированием пространственных и временных оппозиций (низ как инфернальное – верх как селестальное – срединное как человеческое; прошлое – настоящее – будущее; оппозиции на уровне цвета, света – тени, холода – тепла). Лабиринтность, а также умножение и повторение оппозиций образуют на композиционном уровне рекурсию – различный по масштабности, но постоянный возврат героя постколониальной прозы к отрицаемой им автохтонной культуре.

- 2.4. Конфликт внутренний в постколониальной прозе С. Рушди развертывается в пространстве психологического и телесного, что подводит к расколу ментальной и физической целостности героев.
- 2.5. Одним из художественных средств изображения распада целостности становится приём парности, формирующий идею культурной полярности (оппозиция «свой – другой» как обозначение межкультурного и межличностного разрыва).
- 2.6. Достигнутая или изначально присутствующая в герое андрогинность, которая изначально оценивается им положительно, на деле оборачивается симулякром. Ожидаемая от андрогинности целостность «пограничного персонажа» оборачивается его внутренним конфликтом – расколом сознания, крушением бытийной гармонии.
- 2.7. Телесное начало в постколониальной прозе травестируется и подвергается трансформации – как фантастической (превращение героя в демона или ангела), так и фактической (смена / утрата биологического пола), что соответственно связано с обретением / утратой идентичности.
- 2.8. Полем развертывания конфликта становится и гендер, который участвует в развенчании сложившихся стереотипов относительно мира Востока.
- 2.9. Выход героев за пределы традиционной культурной парадигмы актуализирует тему физического и духовного бесплодия как разрушительного результата влияния западной цивилизации на представителей восточного мира.
3. Конфликт в постколониальной прозе отмечен субстанциональностью и неразрешимостью и укоренён преимущественно в сфере идей (философский и идеологический планы). Развязка конфликтной ситуации приводит не к открытому противостоянию с последующим разрешением, но к состоянию фрустрации в связи с утраченной, но заново не обретенной культурной и душевной целостностью героев.

Степень достоверности. Достоверность результатов настоящего исследования обеспечивается его внутренней логикой и концептуальным подходом к изучаемому предмету, чёткостью поставленных задач, применением комплекса методов, адекватных сущности исследуемого явления, поставленной цели и задачам, а также большим объемом рассмотренного тематического материала.

Апробация результатов. Основные положения диссертации апробированы в виде докладов следующих научных конференций:

- Межвузовском аспирантском семинаре по истории и теории мировой литературы «Жанр, метод, стиль в произведениях зарубежной литературы. Особенности художественной коммуникации» (Донецк, 2015) /

Межвузовском международном аспирантском семинаре по истории и теории мировой литературы «Жанр, метод, стиль в произведениях мировой литературы. Особенности художественной коммуникации» (Донецк, 2016, 2017, 2018);

- XIV Международной конференции молодых учёных «Современные исследования языка и литературы» (Донецк, 2016);
- IV Всероссийской научной конференции с международным участием «Национальные коды в европейской литературе XIX-XXI веков», (Нижний Новгород, 2016);
- VI Международной научной конференции «Национальный миф в литературе и культуре: колониальный и постколониальный дискурс» (Казань, 2017);
- Международной научной конференции «Актуальные проблемы изучения и преподавания англоязычной литературы» (Минск, 2017);
- Международной научной конференции «Территория нового: литература и современная методология» (Ростов-на-Дону, 2017);
- IX Всероссийском молодёжном научно-практическом семинаре «Литература и проблема интеграции искусств» (Нижний Новгород, 2017);
- Международной научной конференции «Донецкие чтения. Образование, наука и вызовы современности» (Донецк, 2016, 2017, 2018, 2019)
- XXV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (Москва, 2018);
- Международной научной конференции «Городской текст в английской и других европейских литературах» (Нижний Новгород, 2018);
- Международной научной конференции «Античные образы и мотивы в английской литературе» (Москва, 2019);
- Международной научной конференции «Национальные коды в языке и литературе» (Нижний Новгород, 2019).

Публикации. Результаты исследования представлены в 17 публикациях, в том числе 3 статьи опубликованы в специализированных изданиях, рекомендованных ВАК МОН ДНР, в нелицензируемых изданиях опубликовано 14, из них 5 статей и 9 тезисов и докладов.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трёх разделов, выводов к разделам, общих выводов, списка использованной литературы. Список литературы насчитывает 228 источников, из них 45 –на иностранных языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы диссертационного исследования, определены цели и задачи, объект и предмет исследования, обозначена степень разработанности и научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, дан обзор теоретико-методологических основ и структуры диссертационной работы, сформулированы положения, выносимые на защиту. Даны сведения о степени достоверности результатов работы и их апробации.

Первый раздел – **«Категория конфликта в теории литературы»** состоит из двух подразделов и посвящен обзору категории «конфликт» в теории литературы, теоретической наполненности этого понятия, а также этапам становления и трансформации поэтики конфликта в связи с влиянием историко-культурных эпох, в частности – постколониальных тенденций.

В подразделе *1.1. «Многоуровневость конфликта в поэтике художественного произведения»* прослеживается генезис понятия «конфликт» в теории литературы, рассматривается место данного понятия в системе литературно-художественного произведения.

Категория конфликта присутствует в самой основе культуры, так как изначально обозначает столкновение двух противоположных, противоборствующих сил. Подобное понимание конфликта закреплено, но не выражено терминологически уже в мифологическом мышлении: космос и хаос как два оппонирующих друг другу начала постоянно находятся в состоянии взаимовлияния, порождая новые сущности – пространство, время, живых существ.

К пояснению данной категории и введению её в ряд понятий приходят в Древней Греции. В философском ракурсе конфликт проявляется в рассуждениях, связанных с архэ – первоначальной/первопричиной существования, предполагавших не только констатацию причины сущего, но и процессы разделения и совмещения противоположных начал (Анаксимандр), проступает в идеях Гераклита о непостоянстве сущего («действительность есть вечный процесс изменения, вызванного борьбой противоположных начал»). В дальнейшем парадоксальная природа конфликта выражается и в апориях Зенона. В литературе античной эпохи к определению категории конфликта ближе всего подошел Аристотель, который в «Поэтике» указывает на необходимость в трагедии перипетий – всевозможных поворотов судьбы, мотивирующих развитие драматического действия.

Знаменательно, что каждая эпоха «порождает» не только определенные виды конфликтов (долг и желание, разум и природа, человек и общество), но и способы их преодоления. И в философии, и в социологии, включая её отдельную ветвь – конфликтологию, присутствуют различные трактовки конфликта – как

силы разобщающей общество, так и способствующей его интеграции (Г. Зиммель).

В литературе категория «конфликт» закрепляется благодаря лекциям Гегеля по эстетике, в которых философ указывает на необходимость движения от бездействующей гармонии к развитию через действие.

Теоретическое наполнение данного понятия не переживает серьёзных изменений в исследованиях XX века, однако новейший теоретико-литературный дискурс учитывает многоаспектность понятия и его связь с различными сферами. Исследования, связанные с теорией конфликта, объединяют следующие положения: 1) взгляд на конфликт как фактор, нарушающий заранее заданную целостность, что роднит конфликт с мифологическим представлением о цикличности времени – каждое нарушение и его преодоление приводит к образованию новой целостности; 2) конфликт – обязательный элемент литературно-художественного произведения, встроенный в систему и в определённом смысле гарантирующий единство произведения.

Хотя конфликт в основном рассматривается как противостояние или борьба, важным становится и такая его черта, как бинарность: конфликт вырастает из противопоставления двух оппозиционных сил. Часто эти силы определяются содержанием эпохи, которой принадлежит литературно-художественное произведение.

Как правило, конфликт принимает участие в организации повествования и проявляется как на уровне отдельных ситуаций и эпизодов, так и на уровне композиции – макроуровне, не только мотивируя действие и противодействие, но и обнажая глобальные пласты мыслительных процессов, глубин психологии, особенностей рефлексии.

В подразделе 1.2. «Своеобразие поэтики конфликта в постколониальной литературе» анализируется трансформация категории конфликта в постколониальной прозе второй трети XX – начала XXI вв., хронологически совпадающей с развитием постмодернистских тенденций в литературе.

Вторая треть XX – начало XXI вв. становятся периодом становления английских/англоязычных литератур в постколониальном пространстве. Постколониальный и одновременно постмодернистский контекст формируют новые условия развития литературы. Этот период ознаменован всё большим распространением литературно-художественных произведений, созданных «пограничными» авторами – писателями, творчество которых определяется двумя и более культурами. Ориентированность творчества данных писателей на проблему поиска героями своего «Я» связана как с периодом становления в основном африканских и восточных стран, долгое время пребывавших в зависимости от западноевропейских колониальных государств, так и с

глобализацией современного мира. Как результат, герой в таких произведениях находится в ситуации поиска и выбора не только макроуровня (сообщества), но и микроуровня (тело/психология).

Постколониальный фактор выводит на первый план проблемы идентичности и самоопределения (принадлежность к определенной этносу, нации, национальности, языковому сообществу), подталкивает героев к конфессиональному выбору, порождает конфликт на уровне определения собственного гендера (особенно в начале XXI в.) и подводит к расколу душевного и психологического склада.

В то же время постмодернистский контекст напрямую влияет на способы реализации конфликтных ситуаций в постколониальной прозе. На первый план выходят приёмы, закрепившиеся в постмодернистской поэтике. Одними из наиболее значимых в постколониальной прозе становятся лабиринтность, рекурсивность и парадоксальность, которые не только не позволяют конфликту разрешиться, но ещё более усугубляют и усложняют процесс развертывания произведения, мультиплицируя смысловые пласты (а с ними – и всё новые бинарные оппозиции, порождающие, в свою очередь, более сложные тернарные и кватернарные структуры). Одним из основных принципов развития действия и конфликта зачастую становится ризома.

Конфликт в постколониальной литературе находится в прямой зависимости от историко-литературного контекста: в «пограничных» произведениях сквозным конфликтообразующим фактором становится столкновение западного и восточного мировоззрений. Если в западноевропейском контексте конфликт, как правило, связан с противостоянием и борьбой, побуждающими героев сделать определённый выбор, что сопряжено с движением, переживанием, то острота конфликта в современной литературе постколониального Востока не столь явно выражена благодаря философским установкам, в частности, вариациям индуизма и буддизма. В контексте восточной поэтики важным становится нарушение дхармы – нравственного порядка мира (Г. Циммер): несоблюдение законов, определяющих космическую гармонию, сказывается на целостности постколониального героя. Таким образом, конфликт, заложенный в постколониальном произведении, лишён «открытой» завязки и развязки и не предполагает единого правильного выбора.

Во втором разделе диссертации **«Пространственный и темпоральный аспект конфликта в постколониальном романе»** реализация конфликта в постколониальной прозе рассматривается в плоскости хронотопа на уровне времени-истории, равно подвергающейся мифологизации и травестированию в произведениях Рушди, а также на уровне пространства страны, города, дома.

В подразделе 2.1. «История как фактор раскола целостности идентичности» анализируется мотив истории как фактора, провоцирующего разрыв целостности персонажа и, как следствие, внутренний конфликт.

История в постколониальной прозе С. Рушди часто мифологизируется – в описании исторических событий временные пласты расходятся, при этом реальное историческое время совмещается с мифологическим циклическим бытием, которое вытесняет реальное и доминирует в повествовании. Основным источником мифологического в текстах Рушди становятся «Рамаяна» и «Махабхарата», а также коранические стихи. При этом С. Рушди апеллирует к исламской традиции сомнения, что, в конечном итоге, подвергает сомнению и любое описанное им историческое событие.

Конфликт на темпоральном уровне в постколониальной прозе формируется посредством восприятия героями времени – их пребывания-во(вне)-времени и пространстве, которые ощущаются как болезненные и травматичные. Коллизия, связанная со столкновением героев со своим личным прошлым (шире – прошлым страны), порождается необходимостью сохранения и последующей трансмиссии памяти о их культурном прошлом.

Область времени становится носителем/хранителем семейных тайн, секретов, постыдного прошлого героя. Время/история, как правило, безразличны по отношению к герою, они уже некогда состоялись и требуют переосмысления в контексте современности; часто это переосмысление происходит посредством сознательного искажения (плюральности), что свойственно постмодернистской поэтике.

Конфликтные хронологические ситуации в постколониальной прозе С. Рушди часто связаны с разрывом 1) самого пространства-времени, когда процесс рассказывания/развёртывания истории обнаруживает лакуны, недоговорённости, несостыковки, 2) восприятия времени героем.

Так, в знаковом для постколониальной литературы романе Рушди «Дети полуночи» дата обретения Индией независимости (15 августа 1947 г.) мыслится как сказочное / мифологическое время, порождающее не только феномен самостоятельности Индии, но новую эпоху. Не случайно именно в ночь с 14 на 15 августа (пограничное сказочное время, связанное с действием потусторонних сил) вместе с рождением новой Индии (аллюзивно связанной с божеством Бхарат Мата – богини-матери) рождается и новое поколение индийцев – тысячи и одного ребёнка, одарённых магическими способностями. Второй премьер-министр Индии Индира Ганди, чаще обозначенная в текстах С. Рушди «Вдовой», лишает всех детей их магических дарований, замыкая круг сказочности реальным насилием – принудительной стерилизацией как меры по сдерживанию роста населения.

История становления Индии как самостоятельного государства показана в романе параллельно становлению семьи Синай. Так, основной парой, соединяющей прошлое и настоящее, становятся лодочник Таи (связь с культурно-историческим прошлым) и Адам Синай, провозвестник нового, западного мышления, который неудержимо, хотя и тщетно стремится оборвать связи со старым миром. Столкновение двух типов мышления и мироощущения подводит к коллизии на уровне восприятия времени и впоследствии негативно отразится на развитии семейной линии всего рода Синаев.

В романе Рушди «Сатанинские стихи» прошлое и настоящее сталкиваются схожим образом в следующих случаях – 1) принуждение одного из героев (Джабраила Фаришты) к погружению в воспоминания другого (Розы Диаманте); 2) композиция романа, в котором перемежаются главы, связанные с настоящим (современные Бомбей и Лондон) и прошлым (Джахилия). Воспоминание / припоминание / воссоединение с памятью неизбежно болезненны. В романе «Золотой дом» память «сокрыта» и подвергнута переустановке, переориентированию на западный мир. Герои намеренно скрывают своё прошлое, изобретая новые имена, новые истории своей жизни. Возврат же к памяти, к подлинной жизни и идентичности неизменно влечёт за собой трагедию (гибель героев).

Подраздел 2.2. *«Лабиринтность» художественного пространства как конфликтообразующий фактор»* посвящён своеобразию реализации конфликта в рамках художественного пространства постколониальной прозы С. Рушди.

Внутренний конфликт идентичности, переживаемый героем, проецируется вовне: пространство, в котором пребывает герой, приобретает черты лабиринта, что метафорически манифестирует всю сложность обретения идентичности.

Главный герой постколониальной прозы – мигрант и маргинал, который ищет своё место в мире, двигаясь с Востока (периферия) на Запад (*centrum mundi* в понимании мигранта). Конфликтность, возникающая при его передвижении, связана с утратой четырёх целей индуизма, сохраняющих целостность личности и культурного индуистского бытия (дхармы, артхи, камы и мокши), подменённых мотивом блуждания, что передаётся посредством таких приёмов, как лабиринтность, ризомность, рекурсивность, которые обеспечиваются мотивами гипноза, кружения, иллюзии (ср. в индуизме: майя), деструктивно влияющими на возможности персонажей достичь определённого (желанного) места-времени.

В романе «Сатанинские стихи» таким пространством становится Лондон – западный мегаполис, «модель универсума, вместилище всех и вся, мультикультурный котёл, в котором смещаются границы времени и пространства», ринг, «на котором ведётся бой между “своими” и “другими” представлениями о метрополисе» (С.П. Толкачев). Городская среда становится

конфликтообразующим фактором: она провоцирует и позиционные конфликты (напряжение между осознанием собственной «бездомности» и волевым стремлением мигранта закрепиться в западном мире), и ситуативные (встречи-столкновения героев в пределах города). Враждебность пространства к «чужаку» встречаем также в романах В.С. Найпола «Полужизнь» и Х. Курейши «Будда из пригорода», где город представлен картой-ризомой, картой-лабиринтом, а мигрант вынужден безостановочно двигаться по ней в поиске выхода. В романе «Золотой дом» подобным пространством становится Нью-Йорк, в котором сосуществуют многочисленные этносы и чей образ «плавильного котла» закреплён в западной литературе и кинематографе XX-XXI вв. В отличие от западного мира, лабиринтность на Востоке не отличается агрессивностью (напр., Бомбей в романе «Дети полуночи»), она автохтонна и нацелена на возвращение герою памяти.

«Единый пространственно-временной континуум» (В.Н. Топоров) у Рушди приобретает черты двухуровневой лабиринтности: в горизонтальном плане это реализуется посредством изображения бесконечного движения (сцена бегства из больницы – «Сатанинские стихи»), в вертикальном же – посредством образа воронки, постоянно ретардирующей движение героев (хождение по этажам и лестницам – «Дети полуночи», «Сатанинские стихи» и др.).

Лабиринтность в поэтике постмодернизма по сути равнозначна ризоме – разветвлённой системе физических и виртуальных пространств, векторов движения и смыслов. «Вертикальная ось пространства» (В.Н. Топоров) формируется в прозе С. Рушди за счёт отсылок к миру мифов и сказок (древнеиндийских, шумеро-аккадских, древнегреческих), а также подключения литературно-художественных аллюзий и реминисценций (упоминание произведений Данте, Мильтона, Свифта и др.), что и создаёт условия зарождения и развертывания конфликта как оппозиции восточной и западной культур.

Лабиринтность/безвыходность как экзистенциальный принцип жизни мигранта порождает неразрешимость конфликта, поскольку герой в постколониальной прозе априори находится в постоянном поиске самого себя, и даже кульминационный момент развития действия подводит не к разрешению этой конфликтной ситуации (обретению цели и покоя), но к необходимости дальнейшего движения (попытка Саладина Чамчи стать «добропорядочным» англичанином вынуждают его постоянно пребывать в пути между Востоком и Западом).

Принцип лабиринтности включён и в систему образов, связанных с ирреальным, виртуальным пространством. В рассказе С. Рушди «Чеков и Зулу» это качество пространства вытесняет реальный топос: индийцы Чеков и Зулу живут в мире кинематографических и литературных аллюзий – так, Индия в их

восприятию соотносится с образом космического корабля «Энтерпрайз» (американский сериал «Звёздный путь»/ «Стартрек»), а Великобритания – с картой Средиземья (Дж.Р. Толкиен, «Хоббит, или Туда и обратно»). Причудливое соединение реальности и образов искусства свидетельствует о сугубо индийском ментальном топосе (мифологический субстрат органично соединяется здесь с миром реальности, как в режиссуре Болливуда). Ситуация конфликта порождается неспособностью героев отличить западную фантастику/фэнтези от реального мира, в силу чего явления реальности «вытесняются» кинематографическими симулякрами, и пространство при этом обнаруживает черты лабиринтности – смещения «верха» и «низа», inferнального и райского, земного и небесного. Это постоянное пребывание героев «на границе» приводит к утрате способности включить самих себя в реальное время-пространство, «укорениться», обрести почву. Таким образом, на первый план, казалось бы, выходит конфликт психологический, внутренний, но в смысловом пределе подводящий к конфликту онтологическому – к неразрешимой проблеме национальной, культурной, конфессиональной принадлежности и идентичности.

Постоянное соприсутствие двух пространств – реального и сказочного/мифологического – преломляет изначально заданный вектор достижения успеха в западном мире: появляется чреватая внутренним конфликтом двойственность стремлений и желаний персонажа, что становится триггером «раскола» психологического и телесного планов.

Конфликт бытийного плана, связанный с (не)принадлежностью миру Запада и Востока также осложняется невозможностью справиться с «онтологической ситуацией слепоты» (М.К. Мамардашвили): персонажи-мигранты, стремящиеся адаптироваться в западном мире путём отрицания своей автохтонной природы не способны понять, что тем самым лишают себя целостности, а лабиринт рекурсивно возвращает их к исходной точке – национальным и культурным «корням».

В подразделе 2.3. *Образ Дома в системе конфликтов в прозе С. Рушди* анализируются специфика и роль Дома в системе конфликтов постколониальной прозы С. Рушди.

В постколониальной литературе Дом зачастую становится местом зарождения конфликта и его дальнейшего развёртывания. При этом Дом представлен и как физический объект, и как метафора – «ситуация места» (М.К. Мамардашвили). Пространственный микроуровень Дома также обладает признаками лабиринтности и становится полем воплощения конфликта. Таким образом, закреплённый в классической английской литературе образ дома-прибежища, дома-крепости, подвергается деконструкции в постколониальной прозе С. Рушди.

Экзистенциальная безысходность, движение героев в «дурной бесконечности» проявляется в противопоставлении подвальных помещений и верхних этажей/ крыш в романе «Дети полуночи», в наличии замкнутых микропространств, лестниц, театральных подмостков и обманной бутафории в романах «Сатанинские стихи» и «Золотой дом».

Трактовка образа дома как подделки (отсылка к дому-кораблю Б. Шоу – «Дом, где разбиваются сердца») становится очевидной в романе «Последний вздох Мавра»: здесь из одного дома, объединяющего в рамках своего пространства испанские, еврейские и индийские ментальные корни, конструируются два – европейский (западный) и японский (восточный), что критично для изначальной целостности культурного и семейного пространства дома и создаёт ситуацию напряжённости, которая опрокидывается в конфликт.

Дом становится причиной онтологического конфликта («онтологической коллизии» – М.В. Норец), столкновения ожиданий героя с реальностью, что порождает состояние фрустрации от осознания невозможности обрести своё место в мире.

Дому в бытовом, сниженном значении противопоставляется его сакральный аспект: таковы Золотой дом (прямой намёк на храм Кинкаку-дзи в Японии), сад (Эдем и Джаннат), Шалимар, Джомолунгма. В изображение дома в сказочном (райском) духе изначально заложена конфликтность: кажущаяся эталонность, идеальность Дома не соответствует внутреннему содержанию («расколота» семья Нерона Голдена в «Золотом доме»). В результате герой отрицает пространство Дома, т.е. все заложенные в это пространство смысловые пласты – от истории и культуры страны, нации до семейных традиций и ценностей, что манифестирует не-принадлежность героя к определенному месту («unbelonging – disorientation»).

Усилия, направленные на разрешение такого конфликта, обречены на провал, так как связаны с попыткой подчинить себе пространство Дома или создать его симулякр (английский Дом).

В романе «Сатанинские стихи» отказ от своей идентичности (в пределе – отказ от Дома) метафорически представлен сценой сруба орехового дерева, символизирующего семейную и народную мудрость, культурные корни. Так межпоколенческий и характерологический конфликт («отец – сын») выходит на конфликт онтологического позиционного характера (традиционное – посттрадиционное, национальное – глобализированное, культурное – мультикультурное). В романе «Прощальный вздох мавра» художница Аурора Зогойби деконструирует восточное пространство с помощью искусства (картины из западных мультипликационных фильмов в доме «Элефанта» – намёк на «Город пещер», храмовые пещеры, восхваляющие индийского бога Шиву). В романе

«Сатанинские стихи» создаётся Дом-симулякр (дом в английском стиле и супруга-англичанка Саладина Чамчи в Лондоне – «Сатанинские стихи»).

В постколониальной прозе С. Рушди реализация онтологического конфликта обеспечивается также кинематографическими аллюзиями. В рассказе «Аукцион» Дом мыслится рассказчиком как волшебная страна Оз из экранизации одноименной сказки Л.Ф. Баума 1939-го года. Волшебные туфельки юной героини Дороти, способные вернуть её в родной Арканзас, выступают своего рода условием обнаружения Дома: образ туфелек связан с мотивом пути, преодоление которого предполагает обретение мигрантом своей идентичности. В рассказе «Ухажёрчик» писатель обращается к поп-культуре (анимация и комиксы), что используется как попытка снятия напряжения и разрешения коллизии, однако на деле порождает фрустрацию и возвращает героев в изначальную точку безнадежных поисков своего Дома и своей идентичности.

Таким образом, в постколониальной прозе на всех уровнях реализуется «разрыв» хронотопа посредством его деконструкции или симуляции. Это актуализирует проблему непринадлежности постколониального героя к западному миру и трудности обретения героем целостной идентичности в рамках хронотопа.

Третий раздел – **«Телесное и психологическое начала как пространство развёртывания конфликта»**. Здесь рассматриваются истоки конфликтов внутреннего и внешнего характера, причиной которых становится необходимость метаморфоз, обеспечивающих адаптацию персонажа-мигранта в западном мире.

В подразделе 3.1 *«Актуализация конфликтных предпосылок посредством телесного»* рассматривается «разрыв» в рамках телесного начала, которое становится как причиной, так и следствием кризиса и раскола идентичности.

Ущербность, спровоцированная кризисом идентичности, находит выражение в телесном «расколе», что выражено на следующих уровнях – 1) болезнь / «бегство в болезнь» (Джабраил Фаришта, Аллилуйя Коэн, Петя/Петроний, мистер Миксер и айя Мэри); 2) травма, открывающая в герое некий потенциал для последующей адаптации, – приобретение/потеря физических возможностей (обоняние Салема Синая и сила ног/коленей Шивы, неспособность к продолжению рода Чамчи, рука-молот Мавра) 3) изменение облика героя (овнешнение дьявольского начала в Чамче и ангельского – в Фариште; переодевание в женские одежды Диониса/Д в «Золотом доме»).

В попытках обретения и утверждения идентичности мигрант, человек постколониального мира, наделяется кентаврическими чертами, в которых проступают восточное и западное начала. На это указывает и Г.Ш. Чхартисвили в своей работе «Но нет Востока и Запада нет (О новом андрогине в мировой литературе)». М. Салганик в статье о творчестве С. Рушди приводит

метафорическое сравнение мультикультурного писателя с амфибией, обладающей двойным зрением и комфортно чувствующей себя в двух зонах обитания. Сам писатель в сборнике эссе «За чертой» (*Step Across This Line*) говорит о своей непринадлежности к миру Востока или Запада как о положительном факторе.

И тем не менее в постколониальной прозе такая амбивалентность героев становится источником конфликтных ситуаций.

В. Винокуров и М. Воронцова в статье, посвящённой постколониальному дискурсу и посттравматическому синдрому, рассматривают «модерн» и «постмодерн», «колониальное» и «постколониальное» в рамках двухступенчатой структуры на примере мифологем Януса и близнецов. «То, что в “колониальный дискурс” прорвется как боль и выразится как крик, в постколониальном останется переживанием и выразится через дискурс боли» (В.В. Винокуров, М.В. Воронцова).

Подавляемая боль, фрустрация и бегство становятся итогом выбора героев между двумя культурными полюсами. В романе «Сатанинские стихи» актёр Джабраил Фаришта сталкивается с проблемой веры-неверия, что внезапно влечёт за собой приступ неизлечимой болезни, а радиный актёр Саладин Чамча, долгое время работавший над английским произношением, на пути в Индию чувствует, что голос предаёт его. В рассказе «Радиоприёмник» рикша Рамани, имя которого прямо намекает на индийского мифологического героя Раму, добровольно подвергает себя стерилизации (десакрализация образа Рамы и идеи плодovitости как национальной нормы), что становится метафорой отказа от глубинных корней/связей с индийской культурой.

Стремление понять и принять андрогинность тела подводит Диониса, персонажа романа «Золотой дом», к принятию своей женской сущности и самоубийству. Очевидно, что конфликт в прозе С. Рушди между изначальным культурным кодом, обеспечивавшим целостность личности, и её самореализация («прихождение к себе» – М.К. Мамардашвили) в западном мире оборачивается деструктивной для героев развязкой – потерей целостности и гибелью.

В контексте постмодернистской поэтики «воспринимающее тело» (В.А. Подорога) пытается ухватить бесконечно мультиплицирующиеся возможности реализации и трансформации, что устраняет возможность осознания/достижения целостности. С. Рушди соотносит приобретение идентичности с созданием произведения искусства – текста. В условиях современного мира это требует от героя, чтобы он пожертвовал своей витальностью, но такое разрешение конфликта носит трагический характер и приводит к физическому распаду тела (смерть и распад Салима Синая и Мавра – «Дети полуночи» и «Последний вздох мавра», смерть Джабраила Фаришты и Диониса – «Сатанинские стихи» и «Золотой дом»).

Подраздел 3.2. «Гендерный конфликт в постколониальной литературе» посвящён внутренней и внешней реализации конфликта в рамках гендера.

Гендер, являющийся социальной категорией, предполагает не только биологические различия между людьми, но и «разделение их социальных ролей, форм деятельности, различия в поведении и эмоциональных характеристиках» (О.А. Воронина, Вл.А. Луков, Н.А. Зуева). Гендер также понимается как культурный символ, предполагающий интерпретацию в рамках символики женского и мужского (О.А. Воронина).

Гендер в контексте постмодернистской картины мира становится одним из главных аспектов самоопределения: граница между фемининностью и маскулинностью реинтерпретируется и постепенно стирается. Фемининное /феминное при этом часто соотносится с категорией инаковости (Н.А. Зуева), и постепенно выводится за пределы системы бинарных оппозиций в связи с неоднородностью мира. На фоне западной глобализации соотношение мужского и женского в поэтике постколониального романа становится проблематичным, поскольку подобная «андрогинность» не всегда приемлема восточной культурой. Вместе с тем заявленная в постколониальной прозе подвижность границы между мужским и женским, задуманная в качестве выхода из ситуации конфликта, оборачивается ещё большим внутренним «расколом» героя.

Фемининное (боязливое, неловкое, нерешительное, слабое, зависимое) становится у Рушди прерогативой мужчин – таковы Салем Синай, Джабраил Фаришта, Саладин Чамча, Петроний, Дионис, Рамани). А неожиданная «маскулинность» женских образов упрочивает символическое значение женского начала как животворящего – Парвати, сестра Салема Медная Мартышка (соотносится в индийской мифологии с Хануманом и Агни), Вдова, Аурора Зогойби, Аллилуйя, Роза Диаманте, Василиса. Женское начало становится мотиватором конфликта не только на уровне характеров (Дионис пытается занять место мачехи-хозяйки), но и на уровне идентичности, подавляя мужское начало или провоцируя в мужчине неуверенность в собственном гендере.

Исходя из того, что в оппозиции Запад – Восток именно Запад видится патернальным началом, сокрытие своей маскулинности героями-мужчинами в постколониальной прозе объясняется и их положением мигрантов, «теряющих лицо», подчиняющихся требованиям другого культурного пространства.

Смещение границы между фемининным и маскулинным объясняется «в постмодернизме повышением интереса к иррациональному, субъективному, маргинальному», а реализация перехода из мужского в женское (или наоборот) рассматривается в качестве «жертвенной маргинальности» (Н.А. Зуева). Однако в контексте романов и рассказов С. Рушди подобное смещение мыслится как 1)

симуляция-игра ради адаптации в западном мире; 2) необходимость слома стереотипов, преимущественно в отношении восприятия Востока.

В подразделе 3.3. «Раскол сознания как разновидность внутреннего конфликта» рассматривается специфика конфликта в постколониальной прозе на уровне психологии персонажей.

«Конфликт может быть перенесён в сферу чувств, определяя психологическую жанровую генерализацию» (Вл. А. Луков): психологический (внутренний) конфликт в постколониальной прозе показан как распад целостности психики героя.

Другость персонажа-мигранта провоцирует его постоянные столкновения с миром (местом-временем), обществом, вынуждает его адаптироваться в инокультурной среде, не только изучая принципы работы западного общества, но и сохраняя часть своей первичной культурной идентичности. Эти постоянные столкновения, необходимые для развития личности/идентичности мигранта, провоцируют постоянное напряжение, что выражается в событийных конфликтах (попытка Петрония преодолеть агорафобию – «Золотой дом»).

Психический / ментальный «разрыв» отмечается как у «восточных», так и у «западных» героев.

В романе С. Рушди «Сатанинские стихи» подобный раскол переживает актёр Джабраил Фаришта: «сращивание» со своим экранным образом и любовь к английской женщине, покорительнице Эвереста (Джомолунгмы в тибетском варианте), приводит его к обсессивной страсти с трагическим исходом.

В образах постколониальных героев-мигрантов отмечается некое «психосоматическое единство»: нездоровая / разрушенная психика героя может стать причиной конфликта между его биологическим полом и смещённой оценкой своего тела и гендера. По мере развёртывания сюжета романа «Золотой дом» Дионис/Д, младший сын Нерона Голдена, всё сильнее задумывается о своей (не)принадлежности к касте хиджр и своём происхождении. Принимая себя в облике женщины, Д безвозвратно теряет психологическую устойчивость и смысл дальнейшей жизни. В рассказе «Ухажёрчик» психосоматика проявляется в образе айи Мэри: длительное нахождение вдали от родины (Индии) приводит к неизлечимым болям в сердце. Мотив «боли в сердце» (а сердечная чakra в йогической традиции отвечает за внутреннюю гармонию и спокойствие) связан с разрушением гармонии и соответственно – с внутренним конфликтом героини.

В рассказе «Гармония сфер» «раскол» сознания переживает не индеец, но валлиец Элиот Крейн, посягающий на познание сокровенного. Несмотря на считывание восточного знания как иррационального и недоступного/запретного, и, тем не менее, того, «с чем возможен и даже необходим контакт и диалог» (Н.А. Автономова), западное радио не нацелено на диалог. Элиот Крейн пытается

метафизически колонизировать тайное знание Востока, что приводит его к психической неуравновешенности и самоубийству.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Свойственная категории конфликта структурная бинарность в постколониальной прозе второй трети XX – начала XXI вв., в частности, в прозе С. Рушди, осложнена **плюральными смыслами**, порождаемыми постмодернистской поэтикой.
2. В постколониальной прозе складывается определённая система конфликтов: 1) конфликт на уровне хронотопа (макроуровень), охватывающий пространственный и темпоральный аспекты адаптации мигранта в западном мире; 2) конфликт на уровне телесного и психологического начал (микроуровень), охватывающий «разрыв» на уровне телесности, гендера, психологии персонажа. Доминантный тип конфликта носит позиционный характер – таков глубинный онтологический срез культурного противостояния (не-слияния) Востока и Запада.
3. Ситуация конфликта в постколониальной прозе С. Рушди реализуется посредством **«разрыва» хронотопа**, актуализирующего проблему непринадлежности героя-мигранта к миру бывшей метрополии и трудности возврата к автохтонной культуре. Ситуация конфликта реализуется на микро- и макроуровнях как в рамках пространства, так и в рамках темпоральности.
4. Темпоральный конфликт выражен в столкновении прошлого (личной памяти и шире – национальной) и настоящего (субъективированного образа мигранта в постколониальном мире Востока и Запада). Данный конфликт разворачивается посредством постоянного столкновения героя с историей страны, рода, семьи; процесс припоминания автохтонных культурных корней связан с травматичностью проживаемого опыта.
5. Конфликт на уровне пространства отличается разномасштабностью – он может охватывать как пространство страны и/или города, так и ограничиваться пространством Дома/дома. Дом мыслится как физическом уровне (здание), так и символическом (пространство Дома объединяет и историю, и культуру – религию, мифологию, искусство, язык и др.). Ситуация конфликта на уровне пространства усиливается постмодернистскими приёмами – ризомностью/лабиринтностью пространства и его архитектурной замкнутостью, а также мультиплицированием оппозиций, что осложняет течение конфликта и ретардирует возможность его разрешения. Любой намёк на выход из ситуации локального конфликта приводит к его усложнению. «Разрыв» на уровне

хронотопа/времени-пространства в прозе С. Рушди создаёт ситуацию отрыва мигранта от национальных «корней» и утраты подлинной идентичности.

6. Внутренний конфликт в постколониальной прозе развёртывается также в пространстве телесного и психологического, что подводит к расколу целостности на этих уровнях. Возникновение такого конфликта обеспечивается идеей полярности, которая закрепляется приёмом парности – оппозиций «свой – другой», «маскулинное – фемининное», «рациональное – иррациональное». Парность коррелирует с платоновской идеей андрогинности, которая вначале ошибочно понимается героями как утверждение целостности. Однако в постколониальной прозе Рушди андрогинность представляет собой симулякр, который становится причиной обострения внутреннего конфликта. Трансформируемая (а иногда травестируемая) телесность в постколониальной прозе воплощает идею ложного обретения идентичности, а по сути – её утраты. Видами такой трансформации становятся: 1) болезнь / «бегство в болезнь»; 2) травма, открывающая в герое некий кажущийся потенциал преобразования и адаптации в чужом пространстве – приобретение/потеря физических возможностей; 3) изменение телесного облика персонажа.

7. В постколониальной прозе важным элементом обретения целостности в рамках своей идентичности и одним из аспектов самоопределения становится гендер. Постмодернистские психологические тенденции постколониальной литературы позволяют изобразить процесс гендерного самоопределения мигранта путём выведения за пределы системы бинарных оппозиций, что не в последнюю очередь отражает неоднородность постколониального глобализированного мира. Стирание и реинтерпретирование границ между мужским и женским началом в постколониальной прозе С. Рушди предстаёт как 1) симуляция-игра ради адаптации в западном мире; 2) необходимость слома стереотипов, преимущественно в отношении восприятия Востока. Данная подвижность границы между мужским и женским, задуманная в качестве выхода из ситуации конфликта, оборачивается ещё большим внутренним «расколом» героев.

8. Конфликт, разворачивающийся в поле психологического, порождён постоянными столкновениями мигранта с западным миром (местом-временем) и необходимостью его адаптации в инокультурной среде. Адаптация мигранта, как и его формальное право находиться в другом (западном) месте-времени, требует отказа от своей первичной культурной идентичности. Постоянные столкновения, сопровождающие становление новой идентичности мигранта, провоцируют напряжение, выражающееся в событийных конфликтах, результатом которых становится обострение психологической коллизии. Психический / ментальный «разрыв» отмечается как у «восточных», так и у «западных» героев. Их выход за пределы традиционной культурной парадигмы (в рамках телесности, гендера или

психологии) актуализирует тему физического и духовного бесплодия как разрушительного результата влияния западной цивилизации на представителей восточного мира.

9. Конфликт в постколониальной прозе С. Рушди отмечен субстанциональностью и неразрешимостью и укоренён преимущественно в сфере идей (философский и идеологический планы). Развязка конфликтной ситуации приводит не к открытому противостоянию с последующим разрешением, но к состоянию хронической фрустрации в связи с утраченной, но заново не обретённой культурной и душевной целостностью героев.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в 17 публикациях, в том числе 3 статьи опубликованы в специализированных изданиях, рекомендованных ВАК МОН ДНР, в рецензируемых изданиях опубликовано 14 публикаций, из них 5 статей и 9 тезисов и докладов.

Статьи в рецензируемых изданиях:

1. Чуванова, О.И. В поисках идентичности: роман С. Рушди «Сатанинские стихи» / О.И. Чуванова // Филология и Культура. *Philology and Culture*. – 2017. – №4(50). – С. 197-202.

2. Чуванова, О.И. К проблеме культурного диалога: рассказ С. Рушди «Ухажёрчик» («The Courter») / О.И. Чуванова // Восточнославянская филология. – Литературоведение. Вып. 5(29). / ОО ВПО «Горловский ин.-т иностранных языков». Горловка: Издательство ОО ВПО «ГИИЯ», 2017. – С. 63-70.

3. Чуванова, О.И. Кашмир как средоточие конфликта в романе С. Рушди «Дети полуночи» / О.И. Чуванова // *Litera*. – 2020 (в печати).

Статьи в нецензурируемых изданиях:

4. Чуванова, О.И. Инокультурный код в рассказе С. Рушди «Гармония сфер» / О.И. Чуванова // Национальные коды европейской литературы в контексте исторической эпохи: коллективная монография. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2017. – С. 353-361.

5. Чуванова, О.И. Мифологический пласт в рассказе Салмана Рушди «Радиоприёмник» / О.И. Чуванова // Литература в диалоге культур: межвузовский научный сборник. Вып. 3. Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ЮФУ. – Ростов-на-Дону: Изд-во Фонд науки и образования, 2016. – С. 245-250.

6. Чуванова, О. И. Образ дома в рассказе Салмана Рушди «Волшебные башмачки» / О.И. Чуванова // Лингвистика и лингводидактика: традиции и инновации [Текст]: сборник научных статей, посвященный 50-летию кафедры английской филологии. – Ростов-на-Дону, 2016. – С. 259-265.

7. Чуванова, О. И. Образ огня в романе С. Рушди «Сатанинские стихи» / О.И. Чуванова // Античность – Современность (вопросы филологии) [Текст]: сборник научных работ. – Донецк, 2017. – Вып. 5. – С. 515-523.

8. Чуванова, О.И. Образ Лондона в романе С. Рушди «Сатанинские стихи» / О.И. Чуванова // Городской текст в английской и других европейских литературах: Сборник статей по материалам Международной конференции российской ассоциации преподавателей английской литературы. – Мининский университет, 2019. – С. 28-34.

Тезисы и доклады в рецензируемых изданиях:

9. Чуванова, О.И. Андрогинность в постколониальной литературе (С. Рушди, А. Десаи, Х. Курейши) / О.И. Чуванова // Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы III Международной научной конференции (Донецк, 25 октября 2018 г.). – Том 5. Филологические, психологические и философские науки / под общей редакцией С.В. Беспаловой. – 2018. – С. 107-109.

10. Чуванова, О.И. Античные аллюзии в прозе Салмана Рушди в сборнике: Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы IV Международной научной конференции. Под общей редакцией С.В. Беспаловой. – 2019. – С. 166-167.

11. Чуванова О.И. Мультикультуральные тенденции в романах С. Рушди «Последний вздох мавра» и Э. Тан «Клуб радости и удачи» (к постановке вопроса) / О.И. Чуванова // Жанр, метод, стиль в произведениях мировой литературы. Особенности художественной коммуникации: Материалы Международного аспирантского семинара по истории и теории мировой литературы (Донецк, 22 ноября 2017 г.) / Отв. ред. Т.Г. Теличко. – Донецк: ДонНУ, 2018. – С. 42-48.

12. Чуванова, О. И. Мультикультурная личность в романе С. Рушди «Сатанинские стихи» / О.И. Чуванова, И.А. Попова-Бондаренко // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: Материалы II Международной научной конференции: (Донецк, 17-20 октября 2017 г.) – Т. 4: Филологические науки / под общ. ред. С.В. Беспаловой. – Донецк, 2017. – Ч. 1: Иностранная филология. – С. 245-246.

13. Чуванова, О. И. Образ западной цивилизации в рассказе С. Рушди «Йорик» / О.И. Чуванова // Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы

современности, Международная научная конференция: Материалы I Международной научной конференции (Донецк, 16-18 мая 2016 г.) – Т. 5. Филологические и философские науки / под общей редакцией С.В. Беспаловой. – Ростов-на-Дону, 2016. – С. 152-153.

14. Чуванова, О.И. Приём парности в сборнике рассказов С. Рушди «Восток, Запад» / О.И. Чуванова // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2018» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2018. ISBN 978-5-317-05800-5

15. Чуванова, О.И. Проблема идентичности в рассказе С. Рушди «Гармония Сфер» / О.И. Чуванова // Жанр, метод, стиль в произведениях мировой литературы. Особенности художественной коммуникации: Материалы Межвузовского международного аспирантского семинара по истории и теории мировой литературы (Донецк, 7 декабря 2016 г.) / Отв. ред. Т.Г. Теличко. – Донецк: ДонНУ, 2017. – С. 3-8.

16. Чуванова, О.И. Самоидентификация и стереотипы в художественном мире рассказов С. Рушди / О.И. Чуванова // Жанр, метод, стиль. Художественная коммуникация: Материалы Межвузовского аспирантского семинара с международным участием по истории и теории мировой литературы (Донецк, 2 декабря 2015 г.). – Отв. ред. Т.Г. Теличко. – Донецк: ДонНУ, 2015. – С. 3-13.

17. Чуванова, О.И. Слом жанровой парадигмы в рассказе Салмана Рушди «Волос пророка» («The Prophet's Hair») / О.И. Чуванова // Материалы XIV Международной конференции молодых учёных «Современные исследования языка и литературы» (25 марта 2016 г.) / [под. ред. О.Л. Бессоновой]. – Донецк: ДонНУ, 2016. – С. 130-133.

АННОТАЦИЯ

Чуванова О.И. Поэтика конфликта в постколониальной прозе (на материале произведений С. Рушди). – На правах рукописи.

Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.08 – теория литературы, текстология. – ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – Донецк, 2020.

В диссертации исследуется реализация категории конфликта в постколониальной прозе второй трети XX – начала XXI вв. Осуществлена систематизация конфликтов на материале произведений С. Рушди «Дети полуночи», «Сатанинские стихи», «Золотой дом», «Восток, Запад» и др. Проанализированы событийные и ситуативные конфликты, а также конфликты в рамках хронотопа, телесного начала и психологического поля. Выявлен

доминантный онтологический характер конфликта между мирами Запада и Востока у Рушди. Исследование проясняет специфику реализации категории конфликта в произведениях С. Рушди, расширяет границы проблематики и научных представлений о поэтике конфликта в современной постколониальной прозе.

Ключевые слова: конфликт, поэтика конфликта, хронотоп, телесность, андрогинность, амбивалентность, другой, мигрант, постколониальная литература.

SUMMARY

Chuvanova O.I. The Poetics of Conflict in Postcolonial Prose (on the material of S. Rushdie's works). – The Manuscript.

Thesis for a Candidate degree of Philology. Speciality Code 10.01.08 – Theory of Literature, Textology. – State Educational Institution for Higher Professional Education «Donetsk National University». – Donetsk, 2020.

The dissertation examines the realisation of the category of conflict in postcolonial prose of the second third of the XX – early XXI centuries. The systematization of conflicts is carried out on the basis of the works by S. Rushdie "Children of Midnight", "Satanic Poems", "The Golden House", "East, West" and others. Event and situational conflicts, as well as conflicts within the framework of the chronotope, bodily and psychological field are analyzed. The dominant ontological nature of the conflict between the worlds of the West and the East in Rushdie's works is revealed. The study clarifies the specifics of the implementation of the category of conflict in the works by S. Rushdie, expands the boundaries of problems and scientific ideas about the poetics of conflict in modern postcolonial prose.

Key words: conflict, poetics of conflict, chronotope, corporality, androgyny, ambivalence, the Other, migrant, postcolonial literature.